

**Артур Джилман
Джон Пентланд Магаффи
Империя Александра Великого**

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6278028
Империя Александра Великого: Центрполиграф; М.; 2013
ISBN 978-5-9524-5083-7

Аннотация

Александр Великий не оставил после себя наследника столь же гениального, как и он сам, и потому созданная им империя, о завоеваниях которой написано достаточно, быстро распалась. В настоящей книге прослеживается процесс этого распада, судьба разных частей великой империи, история их взлетов и падений, обретение и потеря ими независимости. Показано, какое влияние оказал на Римскую империю эллинизм, духовное преобразование всего мира.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Джон Магаффи, Артур Джилман

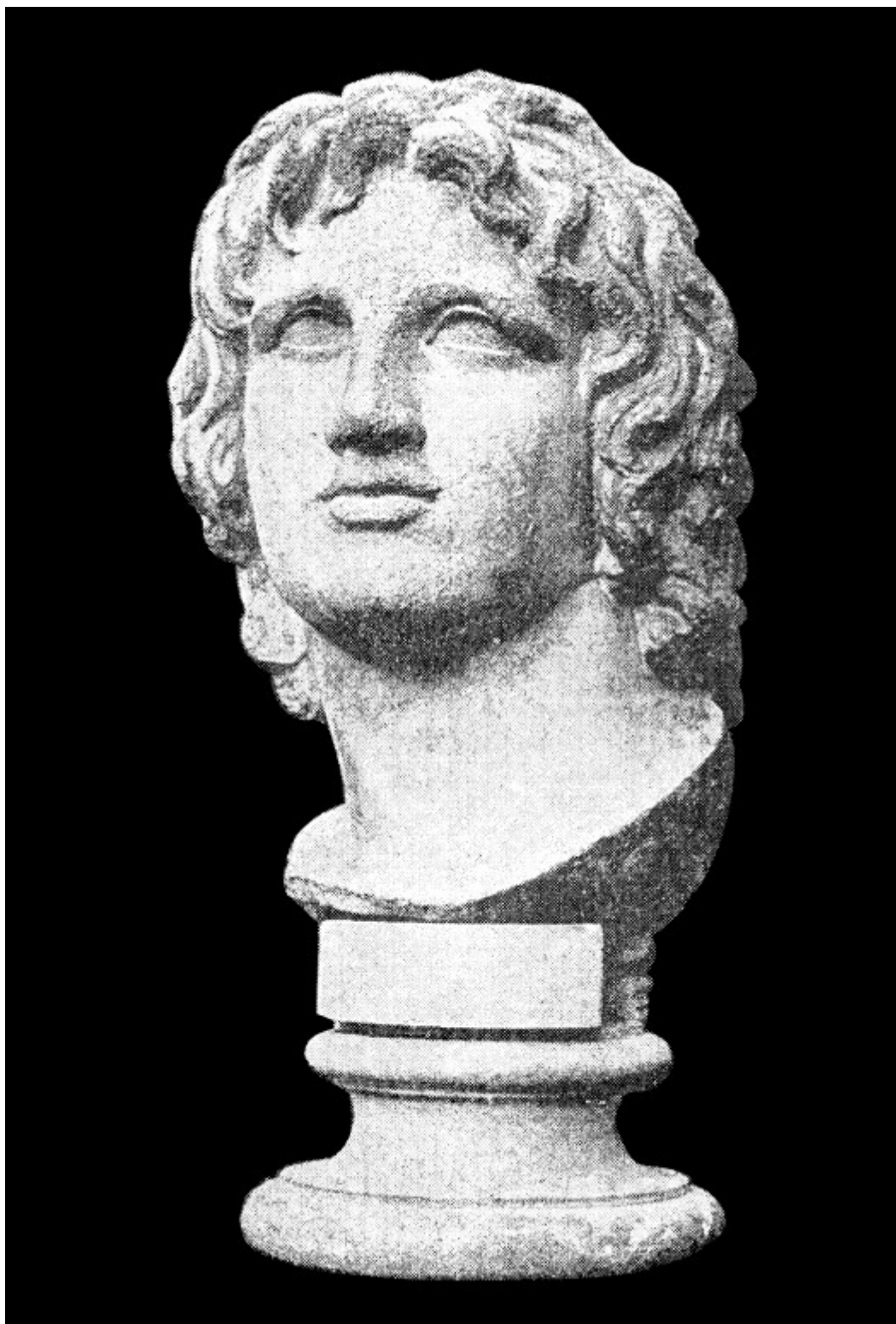
Империя Александра Великого

Предисловие

О завоеваниях Александра рассказывали многие авторы, и его имя всем нам хорошо знакомо. Но история разных частей великой империи, которую он создал, того, как они быстро приобретали и теряли независимость и в конце концов многие из них попали под власть Рима, известна значительно меньше.

Вряд ли можно было ожидать, что такой завоеватель, как великий македонец, мог оставить после себя одного преемника, который мог бы справиться с грандиозной задачей сохранения единства обширной империи. Поэтому неудивительно, что она быстро распалась. Но тем не менее представляется интересным проследить сам процесс распада, в ходе которого правители один за другим теряли власть, а духовная жизнь мира полностью преобразилась.

Черeda насильственных смертей, являющаяся неотъемлемой частью истории, характеризует условия жизни общества в рассматриваемый период. Но, пробираясь через лабиринт кровавых войн и убийств, мы отвлекаемся, изучая влияние идей, которые Александр внушал завоеванным им народам. Это влияние было весьма заметным. Одна из целей этой книги – представить читателю сей сложный процесс и показать, как сильно на Рим повлияли идеи покоренной им Греции, а также обозначить, как эллинистическое влияние изменило характерные черты господствующего народа.

Бюст Александра Великого

Глава 1

МЕСТО АЛЕКСАНДРА В ИСТОРИИ

Множество больших перемен в мировой истории происходили постепенно, и мудрые люди заранее видели их приближение. Очень трудно идти наперекор человеческой природе, и все великие успехи, равно как и упадки, общества являются результатом устойчивых, длительно действующих причин. Но несколько раз в истории появлялись воистину незаурядные личности, гении, которые совершали то, что не удавалось сделать менее значительным людям. Эти личности опрокидывали теории, разрушали установившиеся представления, проповедовали новую веру, открывали новые возможности, способные дать новый старт миру, ведущему утомительную и упорную борьбу за лучшую жизнь. Эти немногие великие люди изменяли существующее положение дел настолько сильно, что мы имеем все основания утверждать: они скорректировали будущее всего человечества. В любом случае они показали нам, какое могущество и высокое положение достижимо человеком, и дали нам идеалы, которыми даже самые обычные люди могут измерять собственную ценность и возвеличивать стремления. Были, конечно, и великие преступники и глупцы, которые разрушали мир в мире и вынуждали «обезьяну и тигра», усмирённых долгой и изнурительной борьбой, снова бросаться в бой.

Монета Александра Великого

В этой книге мы хотим рассказать историю одного из величайших людей, когда-либо живших на земле, поведать — очень коротко — о его личных достижениях, показать, как грандиозна была его работа и как велико влияние. Большинство греческих исторических трудов заканчиваются с падением республиканских свобод во время завоеваний Филиппа II Македонского, отца нашего героя. В общем, это вполне уместная точка для остановки в истории Греции, потому что с приходом Александра греческое влияние распространилось по всему миру и сама Греция стала лишь небольшой частью наследия греков.

Весь мир также считает, что подъем Александра стал великим поворотным пунктом, когда более древняя стадия исторического процесса завершилась и началась новая. Поэтому мы можем, не забираясь в далекое прошлое, начать прямо с него, увидеть, что он создал и что сделал для мирового прогресса.

Фрагменты империи Александра и сами были великими империями и главными каналами цивилизации и культуры до того, как их (значительную их часть. — *Ред.*) поглотила Римская империя. До тех пор мы и попытаемся проследить их развитие, хотя даже после их вхождения в Римскую империю они не перестали оказывать влияние на исторический процесс, и столицы империи Александра долго оставались одними из главных городов римского мира. Но чтобы все это увидеть, потребуется значительно более объемная книга и больше знаний, чем может иметь обычный человек. Эти вопросы будут рассмотрены в других книгах другими людьми. И в установленных здесь пределах придется опустить тысячи подробностей, потому что история Восточной Европы (а также Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки) и ее войн в течение столетия после Александра невероятно сложна и

запутанна. Мы должны отделить зерна важных событий от плевел набегов и мелких кампаний, чтобы дать нашим читателям только главное.

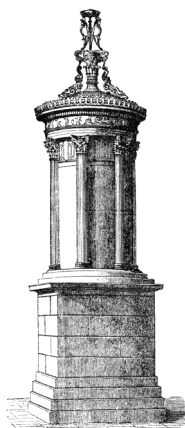
Глава 2

ЮНОСТЬ АЛЕКСАНДРА И ЕГО ВОСХОЖДЕНИЕ НА ПРЕСТОЛ

Ничто не является таким туманным, как закономерности – если таковые вообще существуют – появления гения. Большинство исторических личностей, внесших серьезный вклад в мировой прогресс, имели никому не известных братьев и сестер и произвели на свет никому не известных детей. С Александром все было не совсем так. Его дети не дожили до зрелого возраста, но у нас нет никаких свидетельств того, что они были похожи на своего гениального отца – или хотя бы приближались к этому. Зато его родители были великими людьми.

Его отец – Филипп II Македонский (р. 382 до н. э., царь с 359 г. до н. э.) был самым талантливым правителем своего времени и, благодаря войнам и умелой политике, поднял маленькое, ничем не примечательное царство до положения ведущей восточноевропейской державы, по сути имперского центра греков, хотя македонцы жили только на границе мира эллинов. Его долгие дипломатические и военные действия против греков описаны Демосфеном, и повторять их здесь нет никакого смысла. Его успешные попытки дать образование знати сравниваются со стремлением Петра I Великого цивилизовать русских вельмож своего времени. В последние столетия нет человека, способного сравниться с ним, разве что Виктор-Эммануил II, который начал королем Сардинского королевства, но потом стал королем объединенной Италии. В своей твердой и продуманной политике он использовал политических деятелей, как Кавур, подстрекателей, как Мадзини, и энтузиастов, как Гарибальди. В личной жизни Филипп II был мил и галантен.

Он женился довольно рано (в 357 г. до н. э.) на красивой дочери царя Эпира Олимпиаде (еще раньше Филипп II уже женился четырежды – в 359 г. до н. э. дважды, на Аудате из Иллирии и Филе из Македонии; в 358 г. до н. э. на Никесеполиде из Фессалии и в 357 г. до н. э. на Филинне из Фессалии. – *Ред.*). Это было царство, не уступающее его собственному. О ее жизни в молодые годы, когда она растила своего единственного сына – мальчика удивительной красоты, с детства подававшего большие надежды, известно немного. Но когда мальчик вырос и узнал все, что должен знать царь, о войне и мире, спорте и науке (его учителем был сам Аристотель), его положение, равно как и ее, стало вызывать зависть. Царь старел, дел у него становилось все больше, но от своих обычных прихотей он отказываться не желал. Царский дом Македонии по обычаю был полигамным. Восхождение на престол обычно сопровождалось домашними трагедиями, убийствами родственников, ссылками, и правление Филиппа II с начала и до конца не стало исключением. Поэтому при рождении нового сына – другой принцессой – возникли претензии родственников младенца (на основе старых распрей) к Олимпиаде. (Помимо Александра Филипп II имел только одного сына, почти такого же возраста, Филиппа Арридея, рожденного от Филинны. Разногласия в семье возникли, когда в 337 г. до н. э. Филипп II очередной (седьмой) раз женился на знатной восемнадцатилетней македонянке Клеопатре (уже после смерти Филиппа II она родила дочь, которую умертвили, а саму Клеопатру Олимпиада заставила повеситься). – *Ред.*)

Этот монумент (Лисикрата) является одним из самых ранних в Коринфском ордере. Он был возведен в Афинах во время вторжения Александра в Азию (335 до н. э.). Характерен для своего времени

Началось отчуждение между Филиппом и его старшим сыном. Олимпиада и Александр даже удалились во владения предков царицы. Ведь юный принц едва избежал смерти (преувеличение. – *Ред.*). Отношения настолько испортились, что, когда в 336 г. до н. э. Филипп был убит, Олимпиаду и Александра открыто обвиняли в подстрекательстве.

Все, что мы знаем об Александре, особенно в юности, опровергает это подозрение. Знаменитое высказывание, когда ему предложили ночью напасть на Дария III при Арбелах (Гавгамелах), – «*Я не хочу украсть победу*» — стало девизом всей жизни Александра. Олимпиаду – женщину неистового темперамента, безудержных амбиций, абсолютно преданную своему сыну, возможно, заподозрили по праву, но по большому счету ее виновность или невинность не имеет существенного значения для истории. Хуже было бы, если бы величайшая карьера в истории началась с отцеубийства. Это уж точно был бы отвратительный факт.

Остальные претенденты против Александра не выстояли. Он устранил их твердой рукой, без церемоний и сострадания, и в возрасте 20 лет стал у руля царства, в котором жили преданные и воинственные македонцы, не гнушавшиеся предательством греки, беспокойные и склонные к бунтарству иллирийцы и пеонийцы. Иными словами, в его царстве не могло обойтись без волнений и беспорядков, если, конечно, исключить друзей детства Александра и солдат, которые знали его и любили. Более того, он имел отличную армию под командованием опытных военачальников, причем трое из них – Антипатр, Парменион и Антигон были еще и талантливыми советниками. У царей было принято растить сыновей знати вместе с принцами царского дома. Этот обычай Филипп II приветствовал, и эти трое сначала были пажами при дворе, потом компаньонами мальчика, затем стали военачальниками. В тихой и спокойной Миезе (Мезе) – ее местонахождение в точности не известно (рядом с Пеллой, столицей Македонии. – *Ред.*) – наследник учился у Аристотеля. Там он познакомился с Птолемеем, Селевком, Лисимахом и другими известными в будущем полководцами, которые впоследствии сформировали отличный штаб. Некоторые из них даже вызвали недовольство его отца и покинули двор.

Они были товарищами не только в учебе, но и в охоте, которой были знамениты леса и долины Македонии. Вплоть до времен Персея Македонского, который был захвачен римлянами вместе со всем царством двумя столетиями позже (в 168 г. до н. э.), царский дом никогда не отказывался от охоты, преследования дичи, где молодые люди постигали искусство войны, закалялись и крепили. Ведь в то время они шли на медведя и волка только с

копьем и ножом, для чего требовалось намного больше отваги, чем у современных охотников с ружьями. Александр был настолько убежден в пользе охоты, что презирал атлетические тренировки и соревнования на праздниках. Он был уверен, что охота на опасную дичь, для чего требуется сообразительность и выносливость, полезнее, чем тренировка отдельных видов мышц для соревнования на арене.

Александр и его товарищи имели опыт и военных действий тоже. Во время десятимесячной кампании Филиппа в Беотии и Фокиде, исход которой был сомнителен вплоть до битвы при Херонее (338 до н. э.), наследник командовал тяжелой кавалерией и даже успешно возглавил атаку, решившую исход битвы. Там он выяснил, что его отец, похоже, так и не осознал одну важную истину: македонская тяжелая конница – это род войск, который может изменить судьбу мира. У греков было очень мало лошадей, и условия в стране были крайне неблагоприятны для их выращивания и использования, поэтому в прежних греческих сражениях конники почти не играли никакой роли. Если греческие конники из Фессалии или конница персов атаковали греческую пехоту, не имея поддержки своей пехоты, она могла успешно обороняться, держась пересеченной местности (характерной для гористой и в прошлом лесистой Греции). Теперь же в дополнение к фаланге Филиппа II, которая могла сокрушить практически любой обычный открытый боевой порядок, и метательным орудиям, применявшимся Александром не только в ходе осад, но и в полевых сражениях, появилась хорошо обученная дисциплинированная сила, с помощью которой, как мы узнаем позже, он выиграл почти все свои битвы.

Однако все это не оставило бы столь заметного следа в истории, если бы не человек, использовавший эту силу. И, читая удивительные рассказы Плутарха и других биографов о детских достижениях Александра, мы с готовностью им верим, однако бесспорный факт, что современники, похоже, не видели в юном царевице ничего замечательного. Демосфен и его друзья считали Александра обычным мальчиком, фиванцы придерживались того же мнения и после того, как он принял их капитуляцию и отправился сражаться с северными варварами, взбунтовались. В ходе своего похода в Иллирию, где он впервые продемонстрировал свой талант тактика, Александр дошел до Дуная и пересек горы, отделявшие Македонию от Иллирии. Он шел через перевалы и форсировал реки, он использовал метательные орудия, которые посылали камни, стрелы и другие снаряды на 300 метров, а когда в Греции думали, что он или убит, или пленен варварами, он неожиданно появился в Греции (пройдя из Иллирии в Беотию всего за 14 дней). Стремительно обрушившись на город Фивы, он разрушил его до основания (30 тыс. взятых в плен фиванцев продали в рабство. – *Ред.*). Афинам и остальной Греции, теперь смиренно посылавшим завоевателю посольства, он даровал весьма щедрые условия. От спартанцев, которые держались в стороне в мрачном неприятии, он с презрением отвернулся. У него не было времени заниматься их подчинением. Таким образом, он еще года не был на троне, но уже стал более великим и могущественным сувереном, чем его отец, обладая империей, объединенной узами страха и восхищения. Он был готов начать давно задуманное наступление греков на владения великого персидского царя.

Глава 3

БОРЬБА ЗА МИРОВОЕ ГОСПОДСТВО (334–330 гг. до н. э.)

Вероятно, ни один современный военачальник не начал бы кампанию теми средствами, которые были в распоряжении Александра. У него была хорошая армия – тяжелая и легкая пехота, пращники и лучники и даже метательные орудия, которые могли изобрести древние, не знавшие пороха. Также у него была кавалерия, фессалийская и македонская, приспособленная и для небольших стычек, и для грандиозных сражений. Численность армии не превышала 40 тысяч человек (Александр высадился в Малой Азии с 30 тыс. чел. пехоты и 5 тыс. конницы. – *Ред.*). Именно такой силой древний командир мог эффективно управлять в быстрой кампании, связанной с длинными маршами по вражеской территории. Древние авторы часто писали о двухсот- или даже трехсоттысячных армиях. Некоторые даже полагали, что Ксеркс ввел в Грецию несколько миллионов человек. Но подобные утверждения абсурдны, поскольку мы очень хорошо знаем, что продовольственное снабжение и размещение более 40 тысяч человек, с учетом маршей по чужой территории, явится серьезным испытанием даже для современного генерала-квартирмейстера, имеющего в своем распоряжении железнодорожный транспорт. Так что более крупная армия была бы для Александра бесполезна. Он совершил переход в Азию с войсками, которые Филипп II перед смертью направил через Геллеспонт в Троаду, но у него не было сильного флота, и финикийские военные корабли (составляющие основу персидского флота) остановили бы его без особого труда, если бы произошла задержка (при форсировании Геллеспонта (Дарданелл). Это была еще одна причина не собирать очень большую армию, и было очень хорошо известно, что относительно небольшое войско из дисциплинированных воинов, таких как греческие войска Ксенофонта или Агесилая, могло справиться с полчищами варваров, так же как победители при Плесси (в Бенгалии в 1757 г. – *Ред.*) или Ассайе (в 1803 г., также в Индии. – *Ред.*) – одержать победу при сходных обстоятельствах.

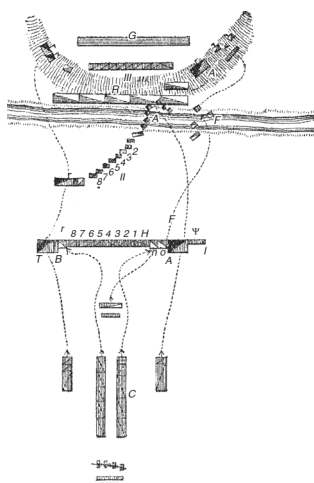

Схема I. Битва при Гранике

C – подход македонской армии, перестраивающейся в боевой порядок *I*, а именно: *T* — фессалийская конница; *B* — союзническая (греческая) конница; *r* — фракийская конница; 1–8 — части фаланги (тяжелая пехота); *n*, *o* — легкая пехота; *H* — гипасписты, пешая гвардия; *F* — части кавалерии

и легкой пехоты, высланные вперед для атаки на левый фланг персов; ψ — агриане (фракийское племя. — *Ред.*) и другая легкая пехота; *A* — тяжелая конница Александра, решившая исход сражения. *II* — представлена действительная атака на *R*, персидскую конницу. *III* — последующая атака на греческую наемную пехоту персов *G*, которая занимала позиции во второй линии персидской армии

Схема взята из книги Рюстова и Кёхли по тактике греков.

После высадки на азиатский берег Геллеспонта Александр отправился сначала в Элеунт, где принес жертвы на кургане Протесилая, героя Троянской войны, первым ступившего на вражеский берег и принявшего смерть. Затем македонский царь отправился в Трою (Илион), где принес жертвы Афине Илионской (оказывавшей, согласно Гомеру, покровительство и содействие грекам во время осады Трои), а также Ахиллесу, Патроклу и Приаму. После жертвоприношений с пиршествами и играми царь Македонии отправился на восток, чтобы сразиться с персидскими сатрапами, собравшими свою конницу и греческих пехотинцев-наемников на крутом правом берегу реки Граник. Здесь в 334 г. до н. э. состоялась его первая великая битва, продемонстрировавшая природу тактики Александра. Он использовал тяжелую пехоту, построенную в двойную фалангу, прикрытую фессалийской конницей слева, чтобы угрожать правому крылу врага и отвлечь его силы, когда Александр будет наносить главный удар. Развивая этот маневр быстрым наступлением эшелонированных эскадронов, брошенных вперед, угрожая обойти противника справа, он заставил врага растянуть свои силы влево, ослабив центр. Как только это Александру удалось, он бросил тяжелую конницу на левое крыло противника, и после кровопролитного боя при форсировании реки и захвате ее крутого берега он прорвал оборону противника. Знатные персидские воины делали все, что могли, для исправления своей ошибки. Они сами бросились в образовавшуюся брешь и героически сражались с Александром и его соратниками. По чистой случайности ему удалось избежать в этом бою гибели, которая могла изменить ход мировой истории. Здесь мы видим очевидную ошибку в его тактике: он постоянно и безрассудно подвергал опасности свою собственную жизнь, а значит, рисковал исходом всей кампании. Ведь хотя он был превосходным солдатом — активным, сильным, великолепно обученным, наслаждавшимся накалом рукопашного боя, а значит, показывающим хороший пример другим военачальникам, не принято, чтобы руководящая и направляющая сила кампании подвергала себя опасности больше, чем это представляется абсолютно необходимым.

Мы не станем описывать подробно военные кампании Александра — для этого потребуется не один толстый том. Кроме того, для широкого круга читателей эти детали не представляют интереса. Остановимся лишь на основных моментах.

Он не нанес прямого удара в глубь Азии, поскольку это позволило бы Ментору и Мемнону, талантливым выходцам с Родоса, которые командовали войсками Дария III на побережье, поднять против него всю Малую Азию, а также перенести военные действия на территорию Македонии и Греции. Именно такой план действий предлагался Мемноном. Такую самую разумную тактику, тактику выжженной земли, обороны, контрударов и изматывания врага персы отвергли, как план жалких греков, а не благородных арийских аристократов. Персы были намного больше похожи на средневековых рыцарей и других более крупных феодалов, чем греки, даже знатные, и относились к грекам как к полезным наемникам, которые могут участвовать в пехотных боях, в то время как аристократическим родом войск считалась кавалерия. В этом отношении персы были намного ближе македонцам по духу, и можно сказать, что они пользовались симпатией Александра. Между тем тактика Мемнона была осторожной и мудрой, и Александр это знал и потому не стал преследовать разбитые персидские войска, а повернул на юг, чтобы подчинить себе средиземноморское побережье Персидской империи. Это в конечном итоге не позволило бы сильному персидскому флоту

высадить войско в тылу Александра, а также напасть на Грецию и Македонию, поскольку древним флотам требовалось не только снабжение, но и гавани, где они могли стоять. Древние корабли не могли, как современный флот, долго оставаться в море, и для них были необходимы гавани – Леванта и других районов. Александр захватил Сарды – ключ к главному пути на восток, затем осадил Галикарнас, оказавший долгое и упорное сопротивление, и не продолжил наступление, пока не обеспечил безопасность тыла.

Даже при всех предосторожностях персидский флот под командованием Мемнона создавал серьезные трудности, и, если бы этот талантливый полководец не умер в самый критический момент (333 до н. э.), мятеж в Спарте, подавленный в следующем году в Греции, принял бы нешуточные размеры. Александр увидел, что может двигаться дальше и нанести удар по центру расположения вражеских сил – Финикии и самому великому царю. Он пересек труднопроходимые хребты гор Тавр и занял Киликию. Даже море вроде бы отступило, чтобы позволить его армии пройти по узкой береговой полосе под отвесными скалами. Великий царь Дарий III ожидал Александра с большой армией – ее численность сильно преувеличивалась всеми источниками, особенно греческими – на сирийской равнине возле Дамаска. Неумные советники убедили Дария III, из-за небольшой задержки наступления Александра, покинуть эти позиции, где преимущества многочисленной конницы персов были бы очевидны. Поэтому он разминулся с Александром, который обошел по берегу горы Аман (ныне хребет Нур) к югу, и персидская армия заняла Исс. Таким образом, македонская армия оказалась отрезанной от дома, и для ее дальнейшего существования была необходима победа. Великая битва при Иссе (333 до н. э.) велась на таком узком пространстве между морем и горами, что ни одной стороне не хватало пространства, чтобы обойти противника с фланга. Разве что можно было занять высоты с материковой стороны долины. Это и было сделано персами, а северный берег небольшой реки Пинар, которая проходила вдоль фронта, был укреплен, как на реке Граник. Александр был вынужден наступать, оставив резерв для прикрытия правого фланга. Как обычно, он атаковал по центру правого крыла, и, как только противостоящие ему войска противника были ослаблены, он повернул налево и устремился прямо к персидскому царю, который находился в центре своей армии в колеснице. Если бы Дарий III сумел упорно противостоять Александру в течение более или менее продолжительного времени, поражение левого крыла македонцев, скорее всего, было бы полным. Дело в том, что персидская конница, атаковавшая фессалийцев на левом крыле армии Александра, имела выраженное преимущество, а греческая наемная пехота оказалась равной по силам македонской фаланге. Но бегство Дария III и связанная с этим паника позволили Александру прийти на выручку своему теснимому левому крылу и одержать победу.

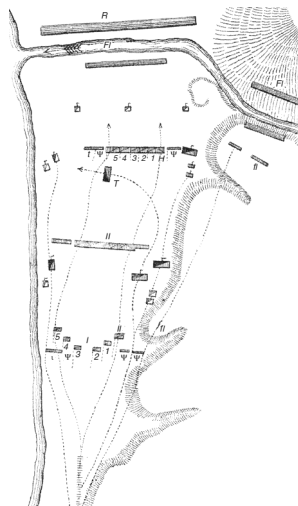

Схема II. План сражения при Иссе (предварительные перемещения)

Ср. буквенные обозначения на схеме I: *fl* — фланговые силы, прикрывающие войско Александра справа; *R* — войско персов, включая части, находящиеся на противоположном берегу реки; *T* — отряд, направленный с целью укрепить левый фланг армии Александра после того, как правый фланг был прикрыт

Следует отметить, что нечто подобное имело место и позже при Арбелах, в следующей и последней битве за мировое господство во время этой войны. Там тоже, в то время как тот же план Александра — обход левого фланга противника и атака на царя в центре — был успешно реализован, левое крыло македонской армии было сломлено и оказалось на грани поражения. И только своевременный удар Александра в тыл атакующих сил персов спас пехоту и конницу левого фланга македонской армии под командованием Пармениона. Так что правда заключается в следующем: Александр *не выигрывал сражение фалангой*. Он сразу увидел, что дисциплина персов не выдержит поражения или смерти царя. Поэтому атака сомкнутыми рядами тяжелой кавалерии в нужный момент и после того, как вражеские ряды окажутся расстроены или нарушены маневрированием, определенно должна была быть успешной.

При Иссе персидская знать продемонстрировала верность своему суверену, сравнимую с временами средневекового рыцарства. Люди жертвовали жизнью, защищая своего малодушного царя. В ходе этой битвы Александр тоже совершил ошибку, подвергнув риску свою жизнь (снова, как и при Гранике), то есть повел себя противоположным образом, нежели его противник, и был ранен.

Грандиозность этой победы парализовала персидский флот, который готовился действовать в тылу македонской армии. Теперь Александр был достаточно силен, чтобы продолжать кампанию, даже не имея опорных пунктов, и в манифесте, адресованном Дарию III после сражения, он смело провозгласил себя царем Персидской империи — по праву завоевателя, который не потерпит себе равных. Тем не менее он задержался на много месяцев (из-за осады Тира в 332 г.), а потом, проходя через Иерусалим и проявив лояльность к евреям, поскольку они поспешили выразить ему покорность, он снова остановился, осадив Газу. Можно предположить, что сделал он это лишь для того, чтобы доказать свою непобедимость (просто нельзя было оставлять опорные пункты врага в тылу, тем более порты. — *Ред.*). Он снова ненадолго задержался в Египте, сделав эту страну (персидскую сатрапию) своей провинцией, при этом проявив доброту к ее жителям и уважение к религии, и основал здесь Александрию. Здесь же он впервые заявил о своей божественности, после чего наконец выступил в поход для завоевания восточных сатрапий империи Дария III.

Мозаика с изображением битвы при Иссе (из Помпей)

Великое решающее сражение на равнинах Месопотамии (331 до н. э.) – его называют битвой при Арбелах (или при Гавгамелах)¹ – стало испытанием его сил, и многочисленная персидская конница, действующая на открытой местности, давала повод для беспокойства. Но Александр уже давно обнаружил то, что британцы узнали намного позже, ведя свои восточные войны: даже очень сильная кавалерия, если не подчиняется жесткой дисциплине, беспомощна против регулярной армии, подчиняющейся компетентному командиру. Кроме того, персы совершили роковую ошибку, предоставив Александру возможность выбрать место и время для атаки. Ведь дисциплинированным войскам почти невозможно противостоять. Быстрые маневры колонн или эскадронов всегда оказывали сильное влияние на нерегулярную армию. Но Александр Македонский опять не сумел захватить своего главного врага и обвинил в этом Пармениона, частичное поражение которого и отчаянные призывы о помощи вынудили его отказаться от преследования и прийти на помощь теснимому левому крылу своей армии. Тогда, хотя в исходе сражения сомнений не было, все еще существовал реальный и законный претендент на трон, пользовавшийся симпатиями большинства подданных.

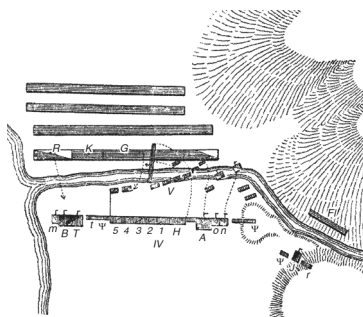

Схема III. Битва при Иссе (решающие маневры)

Пояснение к схемам II и III. Используются те же буквенные обозначения для разных подразделений армии Александра, что и на схемах I и II.

И здесь, и на схеме II даны пять последовательных позиций в наступлении Александра. Его армия двигалась узкими колоннами через горные проходы хребта Аман (Нур) с юга и атаковала Дария III, разбившего лагерь на реке Пинар. *Fl* – фланговые формирования на холмах справа от македонцев; *J* – македонская кавалерия на правом фланге; *K* – местонахождение персидского царя

Читатель без труда заметит, что тактика этого сражения, по сути, не отличается от битвы при Гранике.

А пока Александр обратил все свое внимание на завоевание великих городов Персидской империи – столиц прежних государств, вошедших в состав этой империи. Так король Сардинского королевства, а затем Италии в XIX в. включил в свою сферу влияния Флоренцию, Неаполь, Рим и Венецию. Великие города Персидской державы – Вавилон в Месопотамии, Сузы в Эламе, Персеполь в Персии и Экбатаны в Мидии – были очень богатыми. Говорили, что их роскошные дворцы были полны несметных сокровищ. Все авантюристы в армии неожиданно стали богатыми. Всевозможные средства и ценности, использовавшиеся цивилизациями Востока для обеспечения роскошной жизни, внезапно оказались в руках

¹ Почти на этом же самом месте в 750 г. имела место другая битва – одна из тех, что решили судьбу империи, когда арабы под руководством Аббаса основали новую династию Аббасидов, истребив Омейядов. См. «Историю сарацин», гл. XXXV. (Здесь и далее примеч. авт.)

сравнительно грубых солдат, не чуждых варварства. Это была добыча, подобную которой испанцы захватили в Мексике и Перу, но цивилизация, с которой столкнулся Александр, была более развитой и сильной и не могла не оказать влияния на завоевателей. Правда, теперь Александр уже называл себя не македонцем или греком, а царем Востока, преемником неудачливого Дария III.

Он предпринял сверхчеловеческие усилия, чтобы захватить Дария III во время его отступления из Экбатан по парфянским дорогам в северо-восточные сатрапии – Бактрию (центр город Бактры, его развалины близ современного города Балх в Афганистане) и Согдиану (центр – город Мараканда на месте современного Самарканда в Узбекистане). Рассказ об этом знаменитом преследовании так же интересен, как все остальные эпизоды кампании Александра. Он настиг беглого персидского царя только умирающим от ран, нанесенных ему предателем Бессом, сатрапом Бактрии, который жаждал получить корону (330 до н. э.). Александр казнил царевубийцу и женился на дочери Дария III, который не оставил сыновей, став, насколько это было возможно, законным преемником персидского царя.

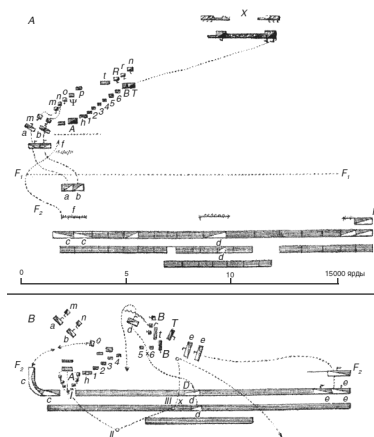

Схема IV. Битва при Арбелах (Гавгамелах)

A – предварительные действия; *B* – сражение; *X* – лагерь Александра. Такие же буквенные обозначения уже использовались для обозначения формирований Александра; *f* – скифские колесницы, брошенные на армию Александра персами; *a, b* – бактрийская и скифская конница, атаковавшая его правое крыло; *c, c* – конница дахов (персов) и жителей Арахосии, составлявшая левое крыло персов; *d* – персидская и индийская конница, прорвавшая боевой порядок Александра в центре и отрезавшая его пехоту; *e* – каппадокийская конница, атаковавшая македонцев слева и с тыла; *D* – местоположение Дария III; *F, F1, F2* – последовательные фронты персидской армии

Из плана видно, что над Александром и его армией нависла угроза поражения. На схеме *B* его позиции отмечены цифрами *I, II, III*. Видно, какой маневр ему пришлось совершить, чтобы помочь своему терпящему поражение левому крылу, когда бежал Дарий III.

Дарий III Кодоман – одна из фигур, ставших трагическими, благодаря великой ситуации и своим достоинствам, которые оказались слишком незначительными, чтобы изменить судьбу. Может показаться странным, но этот малодушный царь, который ни разу не встретился со своим македонским противником в открытом бою не на жизнь, а на смерть, будучи военачальником при Охе (Артахсеркс III Ох, правил в 358–338 гг. до н. э. – *Ред.*), единственным способном правителе империи после Дария I Гистаспа, не имел репутации труса. В

походе против кадусиев (народа, жившего в горной местности у юго-западного берега Каспийского моря. – *Ред.*) он принял вызов самого сильного их воина и убил его в рукопашной схватке перед сражением. Кодоман был красивым мужчиной строгой морали, люди его любили, и вполне вероятно, смог бы оставить о себе хорошую память в истории, если бы не попал в жернова грандиозного кризиса. Как и у Людовика XVI², его личных достоинств оказалось недостаточно, чтобы компенсировать несостоятельность государства. Не было в его распоряжении и дееспособного правительства, чтобы справиться с пагубными последствиями порочных деяний его предшественников.

² Рассказ о печальной участи Людовика XVI можно прочитать в «Истории Германии» С. Баринг-Гоулд.

Глава 4

МАКЕДОНСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЕЕ ГРАНИЦЫ ДО СМЕРТИ АЛЕКСАНДРА (323 гг. до н. э.)

Персидскую империю можно разделить на три части, отличающиеся друг от друга своим населением, производимой продукцией и предшествующей историей. Проведя линию от внутреннего угла Средиземного моря возле Исса к Черному морю у Трабзона (совр. название, в то время – Трапезунт. – *Ред.*), мы отделим всю Малую Азию, обширную территорию, где живет много людей разных национальностей и характеров. Это греки и разные азиатские народы, торговцы и пираты на побережье, пастухи и разбойники в горах. К западу от нее, географического центра империи, располагались примыкающие к морю Сирия и Палестина, к востоку – горы Мидии и Персии, сама же Месопотамия – богатая и плодородная аллювиальная равнина, образованная наносами Тигра и Евфрата. Эта часть имела все, что необходимо для обеспечения суверенитета, но в ней, несмотря на господство арийских горцев Персии и Мидии, преобладал семитский элемент. Здесь жили самые преданные слуги великого царя, и здесь же находились главные города империи. Из Ниневии и Вавилона исходили приказы, веками оказывавшие влияние на Азию. Если провести линию от устья Персидского залива к нижнему краю Каспийского моря, пройти с запада на восток можно или по узкому горному проходу к югу от Каспия, который с древности носит название Каспийский проход (Гирканские Ворота), или по прибрежной Гедросии (совр. Белуджистан. – *Ред.*). Это путешествие стоило Александру большей части его армии – он отправился на восток, преследуя Дария III, по первому пути, а вернулся в Вавилон по второму. На востоке великой персидской пустыни находится еще одна часть империи – верхние провинции, южные из которых – Дрангиана, Арейя, Арахосия и Гедросия никогда не играли заметной роли в мировой истории, являясь только пограничными землями, за которые боролись великие завоеватели. А северные провинции, Бактрия и Согдиана, граничившие с землями диких степных татар (тогда здесь никаких «татар» и даже тюрок не было. Были ираноязычные народы, в частности саки и массагеты. – *Ред.*), всегда имели воинственное население, и здесь во времена Александра жили полунезависимые правители, служившие великому царю. Они пользовались значительной свободой.

История покорения этих трех частей Александром ясно показывает их характер. Малая Азия, по крайней мере греческая, охотно отделилась от империи Дария III, за исключением нескольких прибрежных городов, удерживать которые помогал персидский флот. Но два крупных сражения и триумфальное шествие армии Александра по ее территории окончательно решили вопрос. Когда речь заходит о семитской (семитизированной) центральной части, бросается в глаза любопытный контраст между упорным сопротивлением прибрежных городов – осады Тира и Газы были тяжелыми – и полным крахом сопротивления после сражения при Арбелах (Гавгамелах). Имела место попытка военачальников Дария III заблокировать Персидские Ворота – проходы и перевалы из Суз в Персеполь и Экбатаны, но перед этим народы Месопотамии согласились с победой Александра. А Египет даже назвал его освободителем.

Все было совсем не так, когда Александр сделал попытку завоевать восточные провинции. Южные провинции, как я уже сказал, не имели особого значения, но северные – Бактрия, Согдиана и, пожалуй, еще Арейя – восстали, их лидеры, такие как Спитамен, одержали ряд побед над македонцами. Они доставили Александру так много неприятностей и продемонстрировали такое свободолюбие и личное достоинство, что он был вынужден принять самые суровые меры, направленные и на подавление, и на умиротворение непокорных.

Он практически уничтожил вооружившееся против него население (возможно, тем самым повлияв на мировую историю, поскольку была разрушена преграда от Северного Турана) и женился на дочери самого гордого из вождей Согдианы. Царица – Роксана – славилась своей красотой, но вряд ли это был союз по любви. Этот брак был чисто политическим решением, призванным заставить бунтарскую провинцию почувствовать себя частью империи. Новая царица, разумеется, имела собственную свиту, состоящую из ее самых знатных соотечественников, в задачу которых входило использовать ситуацию наилучшим образом.

В нашу задачу не входит перечисление мелких подробностей о маневрах и контрманеврах, сумятице и беспорядках, сопутствовавших этим кампаниям. Мы хотим показать читателю лишь суть вещей, обозначить влияние происшедшего на мировую историю. Взглянув на карту походов Александра, мы сразу увидим, какие удивительно большие расстояния проходила его армия и какие чудесные новшества он открыл потрясенным европейцам в прежде неизвестных, сказочных землях. Если сегодня средний обыватель знает очень мало о пустынях Ирана, Герате, Мерве (совр. Мары. – *Ред.*) или Кандагаре, и все сведения черпаются из отчетов периодических британских или русских экспедиций, каким же полным невежество было в те времена, когда не было карт и путеводителей? Однако тогда эти провинции были богаче и более населенными, чем в наше время, возможно, климат был более умеренным. В любом случае македонцы и греки нашли там, по крайней мере, материальную цивилизацию, достигшую намного более высокого уровня, чем их собственная. В наибольшей степени превосходство выражалось в обработке золота и серебра, закалке стали, производстве тканей и украшений, выращивании деревьев и цветов. В общем, состоятельные люди окружали себя изысканной роскошью, доселе неведомой пришельцам. Македонцы начали остро ощущать свою примитивность, невоспитанность и вульгарность, но вместе с тем превосходство в вооружении. И был сделан первый шаг в соединении политики и интеллекта эллинизма с утонченными манерами и элегантной роскошью Востока.

Покорив все страны, которые ранее завоевали персидские (а до них – мидийские. – *Ред.*) цари, Александр почувствовал, что ему нечем заняться. Надо было определить другие территории, которые можно было бы покорить. Народные предания приписывают ему планы установления собственного господства не только над обитаемым миром, но и проникновения за пределы всего, что было известно и знакомо. Утверждают, что он желал достичь места, где на востоке встает солнце, фонтана жизни и убежища ночи. Все эти преувеличения не являются чистой воды выдумками, а лишь говорят о том, что окружавшие его люди чувствовали в нем жажду странствий, стремление к новому, неизведанному. Александр уделял больше внимания не вопросам управления своими обширными владениями, а грезам о новой ошеломляющей славе. Его влекло к таким пространствам, которые ни одно человеческое существо не сможет контролировать. До сих пор на всех своих территориях он устанавливал режим военной оккупации, при котором сбором налогов занимались гражданские чиновники. Его столицей была не Пелла, Александрия или Вавилон, а полевой лагерь, в котором была роскошная мебель, проводились помпезные церемонии и выполнялись сложные правила этикета, которым Александр научился у своих врагов. У нас нет оснований полагать, что он остановился бы (если, конечно, войска не начали бы роптать, как на окраине Индии), пока не прошел через Индию и Бирму или Китай до Желтого моря, поскольку жажда новых завоеваний становилась лишь сильнее, став страстью, с которой он не мог справиться.

Когда Александр покорил Согдиану и Бактрию, он оказался перед преградой – высокими горными хребтами Гиндукуша; он слышал, что южнее нес свои воды Инд и раскинулось плато Декан. Там, за горами, жили великие народы, со слонами и колесницами, иной культурой, языками и религией. Ни горы, ни реки не могли остановить Александра. Он перешел Гиндукуш вместе со своей большой армией – на подобное вряд ли решится и современный военачальник, ему покорились перевалы и Хайберский проход. Он переправился через

Инд и Гидасп (совр. Джелам. – *Ред.*), причем на виду у большой вражеской армии. Он покорил нового врага и получил всех его слонов, в его руках оказался весь Пенджаб, и он уже был готов двинуться в глубь Индии, но его армия – македонские войска – отказались следовать за ним. Они устали от боев и прочих трудностей, очень страдали из-за климата, особенно от летних муссонных ливней, а также от снега азиатских высоких гор. У них было больше богатств, чем можно было унести, то есть более чем достаточно, чтобы жить в роскоши до конца своих дней. Но самое главное, они видели, что тех, кто стал жертвами случайностей войны, сменяли азиаты. Так что, когда больше не станет ветеранов, Александр возвратится домой из дальних стран со странными людьми, которые станут командовать в его владениях.

И Александр был вынужден отступить. Но мы можем не сомневаться, что он поклялся рано или поздно призвать к порядку свое мятежное войско и продолжить дело своей жизни. Его возвращение южным путем, плавание по Инду и марш через Гедросию были скорее географическими экспедициями, чем военными кампаниями, даже несмотря на то, что на Инде не обошлось без боевых действий. А однажды, штурмуя город Малли, он не только первым взобрался по лестнице, но и ворвался в город, где был тяжело ранен и едва не погиб раньше, чем его воины успели прийти ему на помощь. Однако подобные приключения были для него тем же, что охота на крупного зверя у обычных людей.

Рассказывая об империи Александра, мы не станем акцентировать внимание на ее индийских провинциях, за исключением тех, где прослеживается эллинистическое³ влияние, – а таковых немного. Даже Бактрия очень скоро отказалась от единства с Западом и начала проводить собственную политику. Если Александр не присоединил надолго Пенджаб – Пятиречье – к территории бывшей империи Дария III, он, по крайней мере, познакомил индийцев с западным могуществом и предприимчивостью. Он заставил их перейти к обороне и опасаться вторжения, то есть вступить в длительное противоборство, которое по сей день продолжается между азиатами и наследниками империи франками.

Сейчас нам важно рассмотреть организационные мероприятия, которые провел Александр, вернувшись в Вавилон, ставший на короткое время его столицей. Вероятно, первым делом он занялся реорганизацией армии, вводом в нее азиатов, которых обучал воевать по-македонски. Постепенно их стало больше македонцев, которые опять взбунтовались, но справиться с монархом уже не смогли. Он сразу уволил их со службы, тем самым усмирив. Александр приказал всем ветеранам вернуться в Европу – после долгих и изнурительных военных кампаний они стали менее боеспособными и одновременно более опасными, поскольку проявляли недовольство. Имея новую армию и новую организацию – очевидно, он сделал боевые порядки пехоты более свободными и легкоуправляемыми, чем грозные, но неповоротливые фаланги, – Александр собирался начать новые завоевания. Мы не знаем, хотел ли он покорить Аравию, а потом двинуться к Карфагену и Геркулесовым столбам, или он был наслышан о римлянах и их упорной пехоте и думал, что путь к славе лежит через Италию. Патриот Ливий считает, что римляне тогда сумели бы его остановить⁴. Мы, смотрящие на вещи беспристрастно, уверены, что Рим был бы покорен довольно быстро, хотя это было бы связано с кровопролитными сражениями и большими потерями. Если Ганнибал достаточно уверенно поначалу разбил римлян, которые в его дни были намного сильнее,

³ Мистер Гроут определяет эллинизм как «совокупность обычаев, чувств, сил и знаний, которые были продемонстрированы греками в период автономии» или самоуправления. Это идет вразрез с определением, данным Дройзеном, – «совокупность царств, на которые разделилась территория, завоеванная Александром, которые объединялись повсеместным использованием греческого языка, наличием определенного числа греков – и среди населения, и среди чиновников, и наличием некоторых черт эллинской культуры». Определение Дройзена мистер Гроут считает вводящим в заблуждение или, по крайней мере, недостаточно строгим. См. «Историю Греции», гл. XCIV. Я предпочитаю говорить об *эллинизме* – это понятие включает распространение греческой культуры среди негреческих наций. Так что на самом деле вводящим в заблуждение можно считать определение эллинизма мистера Гроута.

⁴ См. «Историю Рима».

легионы не смогли бы устоять под ударами армии Александра. К тому же македонцы располагали осадными машинами для штурма крепостей, которых не было у Ганнибала. Поэтому мы имеем все основания утверждать, что Рим бы пал. Но с той же уверенностью мы заявляем, что после смерти Александра он вернул бы независимость и все вернулось бы на круги своя, с той лишь разницей, что эллинистическая культура проникла бы в Италию четырьмя поколениями раньше.

Вряд ли Александр считал, что эта кампания сравнима с его военными кампаниями на Востоке, где чудеса великолепной и неизвестной цивилизации лишь слегка приоткрылись перед его жадным и удивленным взором. Что такое Тибр и По в сравнении с Гангом и Брахмапутрой?

Ясно одно: прежде чем пускаться в новые авантюры, Александр должен был навести порядок на уже завоеванных территориях. А порядка там не было. Он обнаружил, что авантюристы греки и даже македонцы, которых он сделал губернаторами провинций, оказались слабы перед искушениями. Они слышали о его триумфальном шествии на Восток и, очевидно, не ожидали его возвращения, по крайней мере скорого. Они разоряли царские гробницы, угнетали подданных, всеми способами накапливали сокровища и даже брали на себя царскую власть. Конечно, эти губернаторы во время длительных отлучек Александра должны были обладать существенной властью. Антипатр в Македонии и Антигон во Фригии были давно проверенными близкими людьми. Они уже давно обзавелись собственными придворными. До Александра доходили жалобы на, мягко говоря, спорные действия Антипатра, на что он неизменно отвечал, что доверяет Антипатру и никому не позволит вмешиваться. Вавилонский казначей Гарпал присвоил деньги и бежал в Афины, где его появление с сокровищами и подкуп чиновников вызвали беспорядки, закончившиеся бегством Демосфена. До нас также дошла информация о том, что в Египте грек, отвечавший за финансы, повел себя неподобающим образом – всячески вымогал и отнимал средства у подданных. В общем, все указывает на то, что в империи были необходимы реформы и, помимо военных губернаторов и фискальных чиновников, была необходима некая гражданская централизованная система управления империей.

Монета Филиппа II Македонского

Доселе монаршей столицей фактически был лагерь Александра, который перемещался по мере ведения кампаний часто в самые отдаленные территории. В этом лагере было все – домашняя челядь, секретари, которые вели записи ежедневных событий, военный штаб с адъютантами и ординарцами. Александр садился ужинать с пятьюдесятью или шестьюдесятью гостями, и, пока он предавался чревоугодию и возлияниям, пронзительные звуки труб возвещали об этом всей армии. Излишества этих застолий были широко известны. За едой велись разговоры о храбрости великого полководца, его успехах в охоте и войне. Обычно пиршества длились до утра. Дневные труды и ночные излишества плохо сказывались и на самых здоровых людях. Молодые быстро старели, старые – умирали. В дошедших до нас рассказах об Александре в возрасте 32 лет он предстает зрелым мужчиной, давно позабывшим о веселье юности, израненным, несдержанным и забывающим о заботах только во время ночных загулов. Не нужно никаких предзнаменований, чтобы окружающие его люди поняли: такая жизнь не может продлиться долго. После возвращения Александра в Вавилон

последовало несколько ночей беспробудного пьянства, и у него началась лихорадка. Народ встревожился. До нас дошли бюллетени о состоянии здоровья героя, распространявшиеся в армии. Друзья призвали оракулов, которые не смогли сказать ничего хорошего. Македонцы попрощались с монархом, который впал в беспамятство и не мог произнести ни слова. Потом народу сообщили, что Александр умер, и империя лишилась хозяина.

Даже самых стойких охватил ужас. И пока тело Александра лежало в лагере, покинутое потрясенной челядью, тишину города нарушили возбужденные крики. В кромешной тьме повсюду сновали люди с факелами, желая получить хотя бы какую-нибудь информацию о ситуации, понять, что будет утром. Многие громко стонали, но не горя об умершем монархе, а предвидя несчастья, ожидающие их впереди.

Хуже всех было азиатам. Александр был их отцом и защитником против тирании македонцев и греков. Но даже македонцы, которые в последнее время постоянно выражали недовольство и бунтовали, втайне знали, что настоящий источник их превосходства над другими людьми теперь иссяк.

Глава 5

ПРОБЛЕМА ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ

Конфликт разных интересов не заставил себя долго ждать и, прежде всего, коснулся наследования трона. У Александра был брат, слабоумный Филипп Арридей, сын фессалийской танцовщицы (Филинны. – *Ред.*), и незаконнорожденный сын Геракл от Барсины, вдовы лучшего греческого военачальника Дария – Мемнона; его супруга Роксана ожидала наследника. Кроме того, еще была Статира, дочь персидского царя, на которой он недавно женился.

У всех претендентов были сторонники. Но только сторонники ратовали не за членов царской семьи, а за собственные интересы. Нельзя забывать и о матери Александра Олимпиаде, обладавшей диктаторским характером, которую очень любили македонцы, поскольку она была матерью их героя, а также о Клеопатре, сестре Александра, царствовавшей в Эпире. Ну и, наконец, была еще Кинана, дочь Филиппа II от фракийской жены (неверно – она была дочерью иллирийки Аудаты, первой жены Филиппа II. – *Ред.*). К сожалению, рано умерший Александр не оставил взрослого наследника, и потому все претенденты имели некоторые шансы на успех, пока царица Роксана не родила ребенка.

Первые конфликты начались еще до похорон. Тогда выяснилось, что конница и прежде всего конная гвардия, которой в то время командовал Пердикка, отдавали предпочтение небольшому совету, который дождался бы рождения законного наследника. Но пехота под командованием Мелеагра провозгласила государем Филиппа Арридея. Ситуация быстро накалилась, перейдя в опасный кризис, но все же был достигнут компромисс. Вся армия, и пехота и конница, прошла между двумя половинами принесенной в жертву собаки – в полном соответствии с весьма своеобразным и, безусловно, варварским древним македонским обычаем. После него имел место учебный бой, тоже согласно обычаю, в котором пехота выступила против кавалерии. В прежние времена силы могли считаться равными, но после военных реформ Александра и приобретением слонов, которые тоже считались кавалерией, пехота стала совершенно беспомощной в бою на открытой местности. Слонов можно было использовать, чтобы разрушить фалангу, после чего дело завершала кавалерия. В общем, учебный бой перешел в серьезное столкновение. Пердикка потребовал выдачи тех, кто осмелился предвосхитить события, провозгласив монархом Филиппа Арридея. Было выдано тридцать человек – по самым скромным оценкам. И их насмерть растоптали слоны. Таково было явное доказательство азиатского варварства в вопросах наказания, воспринятое македонцами и оставшееся пятном на эллинистической эре.

Компромисс заключался в следующем: Филипп Арридей должен был остаться номинальным монархом до рождения и взросления законного наследника. Пердикка становился регентом, который должен заниматься делами армии и заботиться об имперских интересах. Разные высокие должности были отданы его друзьям и соперникам, причем самые талантливые из них были посланы управлять провинциями империи в качестве сатрапов, обладающих полной военной властью. Человеком, который настоял на этой мере и выполнил ее, был Птолемей, сын Лага, чрезвычайно деятельный и доверенный военачальник Александра, впоследствии его историк. Он предпочел покинуть центр событий и быть высланным в провинцию с перспективой солидного дохода и создания собственного царства. Он немедленно выехал в Египет, из которого создал процветающее царство.

В краткой истории нет возможности рассказать о распределении всех провинций, тем более что в течение следующих нескольких лет ситуация неоднократно менялась. Лишь немногие назначения, например Птолемея, оказались более постоянными. Македония была отдана Антипатру, старому регенту этой провинции, и он оставался в ней до конца своих

дней. Он был убежденным и преданным сторонником царской семьи, ее верным защитником и даже лишил наследства своего сына Кассандра, злейшего врага Александра и его семьи. Позже этот принц вернул то, что считал своим наследством, но его слабые и никчемные дети были свергнуты Деметрием, и потомки Деметрия и Филы, дочери Антипатра и сестры Кассандра (начиная с Антигона II Гоната, основателя династии Антигонидов, правившей в Македонии в 277–168 гг. до н. э., в 166 г. до н. э. в римской тюрьме умер последний представитель династии Персей. – *Ред.*), владели тронном Македонии до тех пор, пока страну не поглотила Римская империя.

Стабильным оказалось и государство Селевкидов. Оно еще не появилось, хотя сам Селевк уже был отличившимся военачальником, и Пердикка сделал его вторым человеком в армии после главнокомандующего. Но тогда Селевку было всего 30 лет, и ему сильно мешали старые ветераны, оттеснявшие его в сторону. Двое самых популярных и важных – Кратер и Леоннат – были убиты. Причем последний погиб в сражении с греками, в тот самый момент, когда он и Клеопатра, сестра Александра и вдова царя Эпира, собирались вступить в брак и заявить о своих правах на империю. Третий – Лисимах – скрылся в своей сатрапии Фракии, где годами вел с переменным успехом военные действия с варварами, и однажды даже был взят в плен, но к концу жизни добился огромного могущества и управлял не только Фракией, но и значительной территорией на западе Малой Азии. Позже (с 283 по 133 гг. до н. э.) на западе Малой Азии правили Атталиды, основавшие Пергамское царство. Четвертый ветеран – Антигон, – который еще при Александре в течение десяти лет был сатрапом Фригии и стал там очень популярным, получил приказ от регента Пердикки покинуть свою провинцию и вести армию на помощь Эвмену в Пафлагонии, стране, которая протягивалась от Синопа до Трабзона и Кавказа. (Пафлагония на севере Малой Азии протягивалась от Гераклеи (совр. Эрегли) через Синоп до реки Галис (совр. Кызылрмак). Восточнее был Понт. – *Ред.*)

Теперь мы познакомимся с двумя людьми, которые в течение нескольких лет будут властвовать в Азии. Это Эвмен, личный секретарь Александра Великого, умный молодой человек из Кардии, который сам устроил свою судьбу, получил повышение через головы многих благородных македонцев, которые, естественно, его ненавидели, и Антигон, самый талантливый из военачальников Александра, сделавший самую успешную (или самую опасную, как посмотреть) попытку взять в свои руки всю империю. Эвмен был предан царской семье. В качестве министра и сторонника он был велик, а в качестве независимого правителя его никогда бы не признала македонская армия. Поэтому он оставался пассивным, когда Пердикка был регентом, и оказался единственным сатрапом, так поступившим. Все остальные старались создать, по крайней мере, независимые государства, а самые честолюбивые – захватить всю империю. Одни делали это с помощью брачных уз с царской семьей, другие рассчитывали только на силу оружия.

Так началась борьба, которая длилась сорок пять лет. Большинство соратников и последователей Александра в ней сгинули. Мы не можем в этой книге уделить внимание всем деталям этой борьбы. Остановимся только на кампаниях, которые нашли отражение в литературе, и на главных идеях, лежащих в основе противоборства. Из войн, имевших место сразу после смерти Александра, упомянем о трех. Первая – это нападение регента Пердикки на Египет. После того как он собрал непокорных сатрапов и Антигон бежал в Европу, Пердикка напал на Птолемея с намерением сокрушить его. Поводом для войны стало то, что Птолемей перехватил в Сирии великолепный погребальный кортеж Александра, направляющийся к месту захоронения, указанному регентом (вероятно, это святилище Зевса Амона (на полуострове Халкидики. – *Ред.*), мавзолее македонцев), и перевез его в Мемфис, а впоследствии в Александрию. Люди считали, что легендарный герой, даже мертвый, не принесет мира и благословения тому городу, где упокоится его прах. А учитывая, что несколькими

годами позже Эвмен сумел благодаря выдумке о царском шатре и духовном присутствии монарха успокоить македонцев, можно утверждать, что Александр Великий постепенно становился своего рода фетишем, который присутствовал в самых разных романтических преданиях, веками передававшихся из уст в уста.

Птолемей встретил неприятельскую армию, нанеся ей потери при попытке переправы через Нил. В начавшейся неразберихе обозленные солдаты убили Пердикку. Стоит указать на необычайную трудность вторжения в Египет, если нет крупного и сильного флота, но, даже если он есть, это задача не из легких, поскольку флоту приходится следовать вдоль побережья, где на несколько сот километров нет удобных гаваней. Антигон, достигнув зенита могущества, попробовал это сделать и потерпел неудачу. В этом и заключался секрет дальнейших успехов Птолемеев. Даже римляне опасались особенностей географического положения Египта и власти, которую имеет ее правитель, поэтому они, подчинив эту страну, старались не допустить, чтобы неограниченную власть здесь получил честолюбивый и способный человек.

Тем временем Антипатр вел с греками военную кампанию, получившую название Ламийская война, в которой греки пытались отстоять свою свободу. Под командованием Леосфена они нанесли Антипатру поражение и осадили военачальника ветерана в Ламии (Малида). Он находился в бедственном положении даже после смерти Леосфена, который был убит в стычке⁵. С помощью войск из Азии и отряда Леонната, который, однако, погиб в бою, но в еще большей степени с помощью времени, которое разрушило все конфедерации, столкнувшиеся с деспотическим врагом, Антипатр в конце концов одержал победу при Кранноне (322 до н. э.) и навязал свои условия грекам. Будучи решительнее и, возможно, практичнее, чем Филипп после битвы при Херонее (338 до н. э.) и Александр после разрушения Фив (335 до н. э.), он настоял на казни политических лидеров, возглавивших республиканскую оппозицию. Демосфен и Гиперид встретили свою судьбу (Демосфен покончил жизнь самоубийством, Гиперид погиб от руки македонян), и уже только это сделало войну Антипатра известной. В остальном его действия по наведению порядка в Греции не были суровыми. Он установил некоторые привилегии, лишил бедняков политических прав и с помощью македонских гарнизонов обеспечил порядок в стране.

О Демосфене и Эвмене писал Плутарх, создавший «Жизнеописание Демосфена» и «Жизнеописание Эвмена». Когда преемники-диадохи собрались в Трипарадейсе в Сирии, чтобы договориться о новом распределении, Антипатр и Птолемей утвердились в своих правах, так же как Антигон во Фригии, а Селевк получил Вавилон. Но Эвмен, который был союзником Пердикки, убил в бою Кратера, самого популярного из всех военачальников, и Неоптолема и поэтому был объявлен македонцами государственным преступником. Его способности и доказанная верность царскому дому дали ему такую власть в своей провинции, что покорить ее оказалось не так просто. И следующие годы были полны продолжительными кампаниями, осадами, победами и поражениями обеих сторон. Шла большая война между Антигоном и Эвменом. Они временами даже встречались и пытались договориться, однако их интересы всегда были слишком разными. Оба были слишком честолюбивы, чтобы согласиться на роль второго плана, и слишком подозрительны, чтобы сложить оружие. В конце концов выиграл Антигон, благодаря предательству македонских ветеранов Эвмена, и тот в 316 г. до н. э. был убит. Это было в Персии, и Антигон получил в свое распоряжение восточные провинции с их огромными богатствами. Коалиция, образованная против него Эвменом, распалась, и Антигон стал организовывать жизнь в Азии сообразно своим желаниям.

⁵ Достоинства Леосфена прославляются в великолепной погребальной речи Типерида, недавно обнаруженной на египетском папирусе.

Единственным серьезным препятствием оказался Селевк, популярный в народе сатрап Вавилона. Антигон попытался вызвать его на суд, в исходе которого можно было не сомневаться, но Селевку с большим трудом удалось скрыться в Египте, где он решил дожидаться лучших времен. А пока хозяином в Азии стал Антигон, явно не являвшийся ярим сторонником царского дома. Он стремился к полному суверенитету для себя лично, а затем и для своего сына Деметрия, который казался вероятным кандидатом на место Александра.

Тем временем в европейских провинциях продолжались волнения. Пока был жив Антипатр, он поддерживал некое подобие мира. Но после его смерти и, тем более, когда стало известно, что он оставил доверенное ему регентство Полисперхонту, одному из своих товарищей по оружию, а вовсе не своему сыну Кассандру, в землю были брошены семена будущих войн. Кассандр, с самого начала отвергавший возможность подчинения детям Александра, выступил против Полисперхонта. Последний, столкнувшись с трудностями, выпустил одну из многих абсурдных прокламаций, *дающих свободу всем грекам*, которые впоследствии выпускались всеми правителями, ищущими их поддержки, – Антигоном и его сыном, Птолемеем и другими. Но целью всегда было обеспечение более прочного господства над Грецией.

Эта борьба между разными группировками нас в данный момент не интересует. В целом Кассандр был успешным: он вернул мир и порядок в Афины – и это после позорных обещаний Полисперхонта и глупой пародии на монарха – Филиппа Арридея. Плутарх оставил нам описание этих времен, которое никто из прочитавших его не сможет забыть. В последних сценах «Жизнеописания Фокиона» мы видим, как афинский сброд может использовать свою так называемую свободу. Все это было остановлено Кассандром – во всяком случае, он сделал все, что было в его силах. В Афинах ученик Аристотеля Деметрий Фалерский (Деметрий из Фалерона), литератор и сибарит, поддерживал спокойствие с помощью македонского гарнизона, расположенного рядом – в Пирее.

Кассандр никогда не был полновластным хозяином Греции. Ему всегда приходилось противостоять представителям царской семьи, и только благодаря их внутренним распрям он мог вынашивать далекоидущие планы. Олимпиада, мать Александра, преданная своему сыну и его наследнику, какое-то время держала в руках Македонию и приказала убить Филиппа Арридея и его супругу Эвридику, внучку Филиппа II, чисто мужское честолюбие которой делало ее опасной. Она вполне могла пойти на устранение законного наследника, пока еще маленького ребенка. Но Олимпиада в своем мстительном порыве не ограничилась только этими претендентами. Она открыто свирепствовала, казнив многих сторонников Кассандра, и снискала такую сильную ненависть, что только ее большой авторитет заставил посланных к ней убийц сомневаться. Олимпиада умерла, как и жила, несломленной. Она использовала все свои силы и энергию для защиты внука, но столкнулась с таким множеством трудностей, которые ни одна женщина не смогла бы преодолеть.

Благодаря соглашению, заключенному соперничавшими сатрапами в 311 г. до н. э., после четырехлетней борьбы, в которой коалиция старалась одолеть Антигона, а Антигон – разгромить коалицию, Кассандр стал правителем Македонии, а Роксана и ее сын, чья смерть Олимпиады сделала пленниками, остались под его опекой, пока не повзрослеет наследник. Никто не осмеливался подвергать сомнению права мальчика, и каждый честолюбивый лидер делал вид, что отстаивает их, защищает от посягательств противников. Но Кассандр был единственным из диадохов, принявшим жестокое и хладнокровное решение уничтожить все семейство Александра и стать полновластным царем Македонии. Он женился на дочери Филиппа II (отца Александра) и снова завоевал авторитет, который имел Антипатр, прежде чем завещал власть Полисперхонту. Кассандр решил держать наследника и его мать под стражей в Амфиполисе. А когда в народе стали раздаваться голоса, сочувствовавшие несчастному царству, и его, и Роксану по приказу Кассандра тайно умертвили в 309 г. до н. э.

Монета Деметрия I

В истории мало найдется примеров столь трагических судеб, как та, что постигла этого тринадцатилетнего мальчика, взросления которого с тревожным нетерпением ждал весь мир. Он родился, не имея отца, который мог бы его защитить, и с раннего младенчества его перевозили из лагеря в лагерь, из провинции в провинцию. Он был лозунгом для разных группировок, покровом для амбиций, оправданием для убийств. Его растили две женщины, готовые ради него на все, – мать и бабушка. Постепенно им стали пренебрегать, ограничили его свободу, поместили в заточение. Будучи номинальным главой всего восточного мира, он стал пленником жестокого и безжалостного деспота. В конце концов он исчез, как исчезали некоторые английские принцы в Тауэре, его судьба так же печальна, как судьба Людовика XVII и *Roi de Rome* (Наполеона II, р. 1811 – ум. 1832, сына Наполеона Бонапарта от дочери австрийского императора Франца I Марии Луизы. – *Ред.*), с той разницей, что в истории не осталось никаких сведений о его личности, его характере. Его облик есть на монетах, на них он помпезно назван царем Александром, великим господином, благословенным, живущим вечно. Но для нас, впрочем, как и для людей, сделавших надпись, высокородный ребенок был не более чем именем. Но его фигура столь трагична во всех отношениях, что даже величайшие страдальцы, чьи героические муки известны всему миру, едва ли могут претендовать на более высокое место в иерархии мучеников.

После смерти царевича и его матери, последовавших вскоре после смерти Олимпиады и ее противников Филиппа Арридея и Эвридики, все претензии на поддержание и защиту династии Александра были отброшены. Его сестра Клеопатра жила вдовой в Сардах, и ее расположения добивались многие. Но те, кого она могла бы выбрать, Леоннат и Пердикка, погибли раньше, а других кандидатов она отвергала, как недостойных. Антигон держал ее при себе, а когда она в конце концов согласилась выйти замуж за Птолемея, чтобы избавиться от контроля, Антигон приказал ее убить, чтобы не дать правителю Египта возможность получить превосходство. Так приказал долго жить последний законный претендент на имперскую корону. На какое-то время выдвинулся незаконнорожденный сын Александра от Барсины Геракл, ставший обычной марионеткой, способной укрепить позицию всевозможных авантюристов, стремящихся к власти, но в 309 г. до н. э. и он был убит, как и все остальные.

Глава 6

ПОСЛЕДУЮЩИЕ ВОЙНЫ ДИАДОХОВ – ДО БИТВЫ ПРИ ИПСЕ (313–301 гг. до н. э.)

КАРЬЕРА ДЕМЕТРИЯ

Теперь мы подошли к моменту, когда все сатрапы, которые делали вид, что используют свое влияние в интересах царской семьи, стали независимыми правителями – царями. Начиная с 306 г. до н. э. монархия стала распространенной формой государственного управления во всей великой империи Александра. Титулы монархов не были переданы по наследству. Повторим, чтобы подчеркнуть: никто не выдвигал никаких претензий до смерти Александра Великого. Все считали, что он вел завоевания правомерно и владел своей империей по непреложному праву. Все последующие монархии пошли от него – в эллинской и восточной истории началась новая эпоха. Ее называли эпохой эллинизма. Такие старомодные государства, как Спарта, больше не считались примерами для подражания. Отметим, что никто из сатрапов, каким бы могущественным он ни был, не осмелился назвать себя царем до тех пор, пока был жив хотя бы один член царской семьи. Зато потом они все стали царями практически одновременно: сначала Антигон и Птолемей, потом Кассандр и Лисимах; одним из последних был Деметрий, получивший прозвище Полиоркет («Градоосаждающий»). Не было возражений и со стороны народов, чьим лозунгом была не только свобода, но и демократия. Афиняне первыми провозгласили Деметрия своим правителем (восстановившим здесь в 307 г. до н. э. демократический строй. – *Ред.*).

Такую ситуацию следует объяснить. Она, несомненно, в первую очередь, была вызвана грандиозностью влияния фигуры Александра на весь мир. Он наглядно показал, что абсолютный монарх – а он, по сути, таковым и являлся – может защитить и обогатить своих друзей, а также одолеть врагов, что не удавалось до того времени ни одной республике. Его нация, правящий класс которой взял бразды правления империей из его рук, сформировалась под влиянием монархических принципов. Итальянская республика еще оставалась в неизвестности, греческие философы, ставшие важным элементом формирования общественного мнения, в своих трудах рекомендовали монархию. Они утверждали, что большинство людей, составляющих нацию, глупы и правление нескольких избранных или одной выдающейся личности – единственно возможная форма государственного управления для цивилизованных людей. Вряд ли этому стоит удивляться. В те времена никто не видел конца войнам между разными правителями, и в безопасности себя можно было чувствовать только под защитой могущественного и победоносного монарха. Нейтралитет означал уверенность в том, что ты будешь покорен одной из воюющих сторон или ограблен обеими сторонами по очереди. Более того, воюющие правители были слишком заняты и слишком непостоянны, чтобы оказывать тяжелое давление на местные свободы маленьких городов-государств. В целом все, что требовалось, – это вклад в войну людьми и средствами, и они щедро объявляли об освобождении греческих городов именно в этом смысле, об *общественной автономии* или праве вести свои местные дела по собственному усмотрению. Случающееся время от времени нарушение этих привилегий вооруженным вмешательством, отнюдь не редкое при упомянутых суверенах, считалось меньшим злом, чем постоянная тирания нуждающихся классов, которые в случае избирательного права для всех взрослых мужчин превращали свою политическую власть в источник ежедневного грабежа.

Был на самом деле один прием, который придет в голову каждому американскому читателю. С его помощью маленькие независимые государства могли обеспечить свою независимость, не подчиняясь иностранному монарху – я имею в виду принцип федерации. И, как и можно было ожидать, этот принцип применялся как средство уклонения от монархии. И небезуспешно. Кризис, случившийся около 306 г. до н. э., когда по всей территории империи Александра появились цари, показывает нам возникновение и развитие первой федерации, куда вошли приморские и островные города Леванта от Гераклеи Понтийской (совр. Эрегли. – *Ред.*) и Византия (позже Константинополь, ныне Стамбул. – *Ред.*) до Родоса, главного организатора системы. Эти города обладали преимуществом – были так хорошо защищены и снабжались морем, что их захват был практически невозможен, если противник не располагал сильным флотом, а этот род вооруженных сил был настолько силен у самой федерации, что вполне мог сдерживать правителей, располагавших крупными сухопутными армиями. Итак, эта федерация свободных прибрежных и островных городов обеспечила себе уважение и внимание правителей соседних государств и занималась охраной торгового судоходства, обеспечивая свободу от пиратов и надежную систему морского права. Принятый на Родосе кодекс использовался вплоть до дней Римской империи.

Приведенные выше замечания поясняют ситуацию, сложившуюся в мире в 311–310 гг. до н. э., когда второстепенные претенденты на империю отпали, а пятеро стали хозяевами положения. Это *Селевк*, вернувшийся из Египта и ставший очень популярным в Вавилоне, и имевший власть, хотя и не абсолютную, в восточных провинциях. Далее следовал *Антигон*, во владения которого входила основная часть Малой Азии, Сирия и северная часть Месопотамии, но которому этого было мало, и он рассчитывал подчинить себе владения Селевка на Востоке. Он уже завоевывал восточные провинции в предшествующие годы и утратил их лишь потому, что его голова была забита проблемами, вызванными войной с *Птолемеем* за владение Сирией и, если возможно, Египтом, а также прибрежными городами Азии, которым Птолемей помогал флотом и средствами. Честолюбивые планы Антигона на северо-западе сдерживал *Лисимах*, чья власть, пока еще не твердая во Фракии, быстро становилась сильнее и после основания на Мраморном море новой столицы – Лисимахии распространилась и в Малую Азию. Коалиция Селевка, Птолемея и Лисимаха была усилена в Европе Кассандром, который неуклонно следовал политике отдельных царств, в то время как Антигон стремился единолично править всей империей Александра. Его власть была так велика, что он вполне мог считаться равным по силе всей коалиции, особенно с помощью его сына *Деметрия*, блестящего командующего, которого он отправил отобрать Грецию у Кассандра и произвести ложную атаку на своих противников на западе. О войнах Деметрия нам поведал Плутарх в «Жизнеописании Деметрия Полиоркета», и его рассказ не менее интересен, чем популярные произведения художественной литературы, и его меньше читают лишь потому, что исторический период, когда имели место все эти события, слишком сложен и недостаточно понимаем, и деяния этого военачальника не укладываются в привычные рамки. Мы хотим познакомить с ними читателей ближе.

Монета Деметрия I

Деметрий добился блестящих успехов в Афинах и по всей Греции. В Афинах его почтили, как защитника и освободителя. Его славили в храме богини-девственницы Афины

в Парфеноне, хотя его привычки были свойственны скорее Дон Жуану. Парализовав Кассандра, Деметрий решил подчинить Родос и заставить его сильный флот присоединиться к силам Антигона. Если бы он добился успеха, Птолемей был бы сокрушен, потому что более сильный флот позволил бы Антигону высадить свои превосходящие сухопутные силы в Египте, избежав проблем, связанных с нападением на эту страну через Палестину и пустыню Синайского полуострова.

Так что внимание всего мира было приковано к великой осаде Родоса (305–304 до н. э.), где Деметрий использовал все имевшиеся в его распоряжении средства осады, а жители Родоса, получавшие активную помощь от Птолемея людьми, припасами и средствами, проявляли ничуть не меньшее упорство в обороне. К счастью, он не смог полностью блокировать город, и осада напоминала осаду Севастополя, который нападавшие пытались сломить обстрелом и атакой, а защитники постоянно получали помощь извне. Деметрий вел активный обстрел города. После Александра осадные машины получили значительное усовершенствование и не только могли метать камни и другие снаряды на расстояние 300 и более метров, но также могли разрушать стены, при этом, в отличие от обычных таранов, находились от них на значительном удалении. Действие большой осадной машины, которая использовалась Деметрием и называлась «захватчик города», можно сравнить с бортовым залпом старого линейного корабля, у которого снаряды вылетали из орудийных портов на нескольких палубах. Она имела несколько этажей, защищалась невыделанными шкурами и навесами от вражеских снарядов и имела внутри много людей, а также метательных машин меньшего размера, то есть имела возможность и обстреливать укрепления, сметая с них защитников, и ломать стены. Но все это оказалось бесполезным против Родоса, жители которого поддерживали постоянную связь с Египтом по морю, систематически перехватывали снабженческие грузы Деметрия и проявляли отчаянную храбрость при защите своих домов. (Родос понес тяжелейшие потери и едва держался, но и Деметрий устал. Кроме того, его силы потребовались в других местах. – *Ред.*)

Одновременно воюющие стороны обменивались пустыми любезностями, благодаря чему война в конце концов стала повседневным занятием высших классов и велась как часть политики, а не из страсти или принципа. Жители Родоса всячески старались сохранить нейтралитет. Они пошли на уступки по всем вопросам, кроме одного: они не хотели участвовать в активных военных действиях против Египта и отдать Деметрию для гарантии сотню своих заложников. Когда военные действия начались, стороны согласились возвращать пленных за пять мин за раба и десять – за свободного человека, что было очень высокой ценой, в сравнении с двумя минами (ок. 8 фунтов стерлингов – напомним, что фунт стерлингов во времена написания книги соответствовал 7,32 г чистого золота. – *Ред.*), обычной платой в дни Геродота и до него, в частности по всему Пелопоннесу. Когда жители Родоса узнали, что Деметрий захватил картину художника Протогена, изображающую историю Иалиса (одного из трех городов на Родосе), и просили пощадить картину, то Деметрий ответил, что скорее сожжет изображение своего отца, нежели покусится на произведение великого художника. Постоянно прибывали посольства из нейтральных государств всего греческого мира, предлагая свое посредничество, и заключались перемирия, во время которых обсуждались условия соглашения. Когда наконец Деметрий увидел, что осада может продлиться еще достаточно долго, чтобы повредить его интересам в других местах, он все же согласился на заключение мирного договора, причем на условиях, очень похожих на те, что первоначально предлагали жители Родоса. Они пошли на уступки в требовании заложников, оговорив условие, что те не должны занимать высокие государственные посты. Можно предположить, что это спасло главных магнатов, которых первоначально требовал Деметрий, от проживания (безусловно, в роскоши и комфорте) в Эфесе – городе, предназначенном для них.

Осада Родоса подтвердила силу и упорство, а также умеренность и здравый смысл республики Родос и укрепила ее позиции лидера в союзе торговых городов – наподобие Ганзейского союза. Несомненно, именно этот союз морских городов подсказал более мелким и малоизвестным государствам Греции, что необходимо создавать аналогичные союзы или укреплять и расширять те, что уже существуют. Среди нейтральных государств, предлагавших посредничество при осаде Родоса, были этолийцы, впоследствии ставшие практически лидерами греческого мира. Ахейский союз также существовал, но был малоизвестным. Только через поколение или даже два важность этой федерации стала очевидной. Однако уже сейчас она накапливала то, без чего невозможна власть, – богатство. Мы знаем, что торговля Леванта после падения Тира перешла к греческим морским городам азиатского побережья и островов и так обогатила их, что сделала их флот и финансы важными элементами в оценке общей расстановки сил. Подобным же образом и богатства, накопленные этолийцами, ахейцами и жителями Аркадии, которые издавна покидали свои горные долины, чтобы служить наемниками, теперь стали настолько велики, что они обогнали в комфорте и роскоши жителей более старых городов, которые пришли в очевидный упадок.

Пока внимание всего мира было приковано к другим событиям: Антигон возобновил свои попытки добиться господства, а коалиция Селевка, Лисимаха, Птолемея и Кассандра – сокрушить его власть. Силы противоборствующих сторон все еще были примерно равны. Центральное положение Антигона в Сирии (там, на Оронте, он основал столицу, названную в честь себя – Антигония) давало ему возможность сражаться с каждым из союзников отдельно, затруднив их соединение. Он отправил Деметрия в Грецию, и тот постепенно теснил Кассандра на север и собирался в ближайшем будущем покорить его. Но надежды Антигона рухнули из-за двух непредвиденных трудностей – стратегических способностей Лисимаха и оказавшихся громадными сил Селевка. Последний не появлялся в поле нашего зрения десять лет, во время которых, насколько нам известно, он вел кампании на восточной границе и среди тех народов, которых Александр скорее запугал, чем систематически подавил и усмирил. Пор, его верный подданный, был убит, появились другие претенденты. В дни Селевка приобрел большое могущество за Индом великий азиат Чандрагупта, и Селевк (после боев, в общем успешных для себя) предпочел договориться с ним, купив союз с ним путем уступки тех восточных провинций, которые лежат за великими пустынями Ирана, – Гедросии, Арахосии, Парапамисад (а также Арееи и Дрангианы; кроме того, Селевк отдал Чандрагупте в жены дочку. – *Ред.*). Но сам он получил 500 слонов и сокровища, такие большие, что смогли возвести его в лидеры диадохов.

Ника Самофракийская, памятник победы Деметрия Полиоркета над флотом Птолемея в битве у Саламина (Кипр) в 306 г. до н. э. А — сохранившиеся остатки; В —

реставрация внешнего облика; С – монета Деметрия; D — реконструкция (с монеты) всего памятника

Его поддержка, однако, опоздала. Он не мог идти через Месопотамию и Сирию, не победив Антигона один на один. Ему пришлось идти через Армению, а этот маршрут оказался чреват большими трудностями. Тем временем Лисимах, ожидавший помощи раньше, вторгся в Малую Азию с севера и преодолел все препятствия до гор, опоясывающих Фригию с юга. Но поскольку руки Антигона были развязаны, а Птолемей был робок и вял, отклонившись в Палестину, Лисимах оказался перед лицом превосходящей силы и вдали от своей оперативной базы – Геллеспонта. И тогда он проявил свои качества блестящего военачальника. Он соорудил укрепления, отказался от сражения и вынудил Антигона предпринимать регулярные попытки осады, тем самым выиграв ценное время. Когда же атака его оборонительных линий стала неминуемой, он неожиданно отошел на юг, где повторил ту же тактику, причем с большим успехом. Так прошло все лето 302 г. до н. э.

Тем временем Птолемей добрался до Тира, но остановился и отступил, получив ложное известие о поражении Лисимаха. О подходе Селевка ничего не было известно. Все ждали, но союзники были отделены друг от друга, как уже было сказано, и не имели связи. Наконец появился Селевк. Как раз в это время Лисимах, находясь в своем укрепленном лагере, испытывал большие трудности. Он противостоял не только Антигону – тот послал за своим сыном Деметрием, как раз тогда, когда тот готовился одержать решающую победу над Кассандром. Более серьезная война затмила бои местного значения, и оба противника решили, что в Греции должен быть мир, пока они отправят свои силы на другой театр военных действий. Деметрий имел более сильный флот; он также неоднократно перехватывал помощь Лисимаху, отправленную из Македонии по суше. Если бы кампания затянулась, если бы Антигон уклонился от решающего сражения, империя вполне могла бы перейти в его руки. Но он был стар, нетерпелив и упрям. Он и его сын Деметрий встретили на поле у Ипса во Фригии в 301 г. до н. э. объединенные силы Лисимаха, Кассандра и Селевка. У последнего было 480 слонов и крупная кавалерия, которой командовал принц Антиох. Бой был кровавым. В сражении Деметрий с его кавалерией сыграл роль принца Руперта (времен войны Карла I с парламентом в Англии. Деметрий, как и Руперт, увлекся преследованием разбитого противника на фланге, в то время как на главные силы Антигона обрушились фаланга и слоны Селевка – *Ред.*). В конце концов Антигон пал – ему был 81 год; его войска были разгромлены, а сын бежал с отрядом в несколько тысяч человек, но с сильным флотом.

Так закончилась последняя серьезная попытка захватить империю Александра целиком. Хотя Деметрий так никогда и не отказался от этой мечты. После многих приключений – он был беглецом, пиратом, претендентом на трон Македонии, потом македонским царем (после смерти Кассандра) – этот человек, постоянный источник беспорядков и волнений, был взят в плен Селевком и окончил свои дни в раздражающей праздности. Об этом интересном персонаже можно прочитать в «Жизнеописании Александра» Плутарха. Если верить ему, Деметрий был настолько популярным до самого конца, что многие города просили об его освобождении (чего настолько боялся старый Лисимах, что предложил Селевку 2 тысячи талантов, чтобы тот избавился от пленника). Он был столь очарователен, что его супруга Фила, сестра Кассандра, постоянно была рядом с ним, терпя его измены и политические браки, и свела счеты с жизнью, лишь потеряв все надежды на его успех. Он был так притягателен, что его благородный сын Антигон, основатель новой царской династии в Македонии, предложил свою собственную свободу и даже жизнь за своего донкихотствующего отца.

Когда было покончено с сыновьями Кассандра – один был убит своим братом, другой Деметрием, самым сильным местным претендентом на трон стал именно супруг Филы, но ему надо было бороться, с одной стороны, с Пирром, царем Эпира, имевшим ярко выражен-

ные склонности авантюриста, и с Лисимахом – с другой. Эти правители были под стать Деметрию если не в стратегии, то, во всяком случае, в престиже и популярности. Лисимах являлся одним из соратников Александра – этот титул в то время мог перевесить любые другие. Пирр был гениален, однако великодушен и благороден, в этом отношении Деметрий ему уступал. Но авантюры Деметрия в последующие годы занимают значительное место в ряду исторических хитросплетений и способны лишь сбить с толку читателей, а не дать им полезную информацию.

Глава 7

ОТ БИТВЫ ПРИ ИПСЕ ДО ВТОРЖЕНИЯ КЕЛЬТОВ (301–278 гг. до н. э.)

С битвы при Ипсе для диадохов началась новая эпоха. Лисимах и Селевк вынесли основное бремя сражений и захватили львиную долю добычи. Птолемей вел себя вяло и затем покинул их в весьма тяжелом положении. Поэтому Селевк взял города Финикии и Сирии, на которые претендовал Птолемей, утвердив на них свое право. Под властью Селевка оказался весь Восток. Его империя протянулась до линии, проведенной от Трабзона до Исса, где от владений Лисимаха ее отделяла своего рода нейтральная зона из небольших государств – Понта, Армении и Каппадокии, – которые, хотя и были незначительными, проводили собственную политику и имели династии, ведущие начало от персидских царей. Они были последними из великой империи Александра, подчиненными Римом. Митридат Понтийский и цари Армении фигурируют в документах как союзники или враги Римской империи, когда более крупные государства уже давно вошли в ее состав. Лисимах, с другой стороны, получил ценные владения в Малой Азии, одно из которых – Пергам – стало важным царством. Он был вторым по значимости царем и, если бы не неуправляемый Деметрий, безусловно, занял бы Македонию после смерти Кассандра. Последний владел теми европейскими территориями, которые сумел отстоять, возможно, ему было предназначено и царство Пирра, если бы он смог его взять. Кассандр умер от болезни (нечастый конец среди его «коллег» в те времена) в 297 г. до н. э., и грекам была предоставлена возможность защищать свою свободу, а Деметрию – строить козни и всячески стараться утвердиться на троне Македонии, одновременно держа мир в страхе перед его военно-морскими силами и стремлением занять место своего отца. Лисимах, Селевк и Птолемей бдительно следили друг за другом и колебались в выборе союзников.

Все эти правители, а также Деметрий и Пирр были связаны узами династических браков. Они имели столько жен, сколько хотели, очевидно не считаясь с желаниями предыдущих супругов. Так что все враждующие цари были родственниками. Скажем, дочь сицилийского тирана Агафокла вышла замуж за Пирра из Эпира и затем пожелала сменить его на более симпатичного Деметрия. Пирр в этот период был подающим большие надежды честолюбивым правителем. Хотя и не в союзе с Деметрием, он стремился расширить свое Эпирское царство за счет Македонии и, несомненно, добился бы успеха, если бы не сила Лисимаха. Этот фракийский монарх, несмотря на серьезные неудачи против северных варваров, захвативших в плен и царя, и его сына, правда впоследствии благородно их отпустивших, имел прочное и благополучное царство, а главное, талантливого и добродетельного сына Агафокла. Так что его династия могла бы утвердиться, если бы не тлетворное влияние Арсинои, дочери Птолемея, на которой он, старый человек, женился в знак союза после битвы при Ипсе.

Читателю будет трудно понять сложную семейную ссору, приведшую к смерти сначала Агафокла, потом его отца Лисимаха, затем Селевка и последующему переустройству восточного мира без приведенной ниже таблицы. Она начата, из соображений удобства, с Птолемея, и в ней упомянуты только те из его жен и детей, которые нас интересуют в контексте настоящей книги.

Птолемей I Сотер родился в 367 г. до н. э., стал царем в 306 г. до н. э., умер в 283 г. до н. э.

<i>Жена</i>	<i>Жена</i>
Эвридика, сестра Кассандра	Береника, дочь Лага
<i>Ее дети</i>	<i>Ее дети</i>
1. Птолемей Керавн 2. Птолемида, вышла замуж за царя Деметрия 3. Лисандра, вышла замуж: 1) за Александра, сына Кассандра; 2) за Агафокла, сына Лисимаха	4. Арсиноя, вышла замуж: 1) за царя Лисимаха; 2) за своего сводного брата Птолемея Керавна; 3) за своего брата Птолемея Филадельфа 5. Птолемей II Филадельф родился в 309 г. до н. э., стал царем в 283 г. до н. э., умер в 246 г. до н. э. Жены: 1) Арсиноя, дочь Лисимаха; 2) Арсиноя, его сестра

Читатель, изучивший эту таблицу, безусловно, увидит главную причину неразберихи, связанной с историей этого периода. Каждый правитель был тестем, зятем, шурином или деверем другого. Более того, количество используемых имен крайне ограничено, и они часто повторяются, применительно к разным людям⁶.

Семейная ссора, изменившая мир, началась следующим образом: чтобы заключить союз после победы при Ипсе, старый царь Птолемей отдал свою дочь Арсиною в жены своему сопернику и другу Лисимаху, который, со своей стороны, отправил свою дочь, тоже Арсиною, чтобы та вышла замуж за молодого Птолемея – Филадельфа. Это был второй сын великого Птолемея, который избрал его наследником трона, обойдя своего старшего сына – Птолемея Керавна, человека вспыльчивого и безрассудного, который сразу покинул страну и отправился искать счастья при чужих дворах. Тем временем старый Птолемей из соображений безопасности возвел своего сына на египетский трон еще при жизни и сам отрекся от престола в возрасте 83 лет. Он не покинул двор и стал подданным своего сына. Керавн, естественно, первым делом посетил фракийский двор, где царицей была его сводная сестра Арсиноя, а родная сестра – Лисандра – была замужем за наследником престола – галантным и очень популярным Агафоклом. Керавн и царица составили заговор против Агафокла и убедили старого Лисимаха, что тот – предатель, и Керавну было предложено убить его. Это преступление вызвало необычайные волнения и ненависть по всей стране. Родственники и сторонники убитого Агафокла обратились к Селевку, призвав его отомстить, что тот и сделал, выступив с армией против Лисимаха, которого победил и убил в бою, имевшем место где-то в районе Ипса. Это было в 281 г. до н. э. Птолемей I умер двумя годами раньше – в 283 г. до н. э.

Остался последний и самый великий – азиатский царь Селевк. Но он отказался от всех своих азиатских владений от Геллеспонта до Инда в пользу своего младшего сына Антиоха и собирался дожить то, что ему осталось, в доме своих предков – в Македонии. Однако при въезде в македонское царство Селевк был убит Птолемеем Керавном, которого привез с собой. В результате этот кровожадный авантюрист остался с армией, у которой не было лидера, в царстве, где не было царя, поскольку сын Деметрия Антигон, самый сильный претендент, еще не имел достаточно прочного положения. Остальные монархи, по горло занятые своими делами – Антиох в Азии и Птолемей II, присоединились к Керавну, чтобы подкупить опасного Пирра людьми, деньгами и слонами. Они хотели отправить его в экспедицию в Италию и позволить им спокойно улаживать свои дела⁷. Греческие города, как обычно, когда менялись монархи в Македонии, восстали в борьбе за свою свободу, не позволив Антигону вернуть владения отца. А тем временем Птолемей Керавн обосновался в Македонии. Он даже, почти как Ричард, вынудил свою сводную сестру, давнюю союзницу против Агафокла, выйти за него замуж, но только для того, чтобы убить ее детей от Лисимаха, единственных опасных претендентов на фракийские провинции. Несчастливая царица бежала в

⁶ Повторяющиеся имена с указанием родственных связей сведены в таблицу, которая приводится в конце книги.

⁷ О действиях Пирра в Италии можно прочитать в «Истории Рима».

Самофракию, а оттуда в Египет, где окончила свою полную превратностей судьбы карьеру, став царицей при своем родном брате Птолемею II Филадельфе. Она была обожествлена при жизни!

Монета Птолемея II

Так обстояли дела в бывшей империи Александра Великого в 280 г. до н. э. Все первые диадохи, и даже сыновья двух из них – Деметрий и Агафокл – были мертвы. Сын первого из них был претендентом на македонский трон, который получил после долгой и сомнительной борьбы. Антиох, который долго был регентом восточных провинций за пределами Месопотамии, после убийства отца неожиданно получил такое обширное царство, что не смог контролировать прибрежные районы Малой Азии, где старались укрепиться свободные города и династии. Птолемей II уже был царем Египта и сюзереном Кирены, а также претендовал на Палестину и Сирию. Птолемей Керавн, злодей и убийца, восседал на троне Македонии, но находился в состоянии войны с претендентом Антигоном. Пирр из Эпира отправился покорять новые владения на западе. Такой была обстановка, когда на мир обрушилось новое бедствие.

Глава 8

ВТОРЖЕНИЕ КЕЛЬТОВ (ГАЛАТОВ) И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Утверждают, что при вторжении кельтов или галлов, разгромивших римскую армию при Алии (река, приток Тибра) и захвативших город⁸, были уничтожены также все древние архивы республики, и появился пробел в анналах, который можно восполнить только из устного народного творчества. Таким же образом вторжение кельтов в Македонию и Фракию в 278 до н. э. (весной 280 г. до н. э. – *Ред.*) положило начало новой эпохе. Вторжение почти совпадает со смертью последнего из великих диадохов, оно отменило претензии худшего из эпигонов – второго поколения, – поскольку первым защитником эллинизма, встретившимся с кельтами в бою, был Птолемей Керавн, которого они убили и уничтожили его армию. Нашествие кельтов на Грецию и Малую Азию наполнило сердца людей новым ужасом и не только вдохнуло в них отвагу, но также послужило источником вдохновения для скульпторов и поэтов. Искусство Греции претерпело если не полную трансформацию, то, по крайней мере, возродилось после беспокойных времен прошлого. Аполлон Бельведерский, Умирающий гладиатор (на самом деле галл), великий алтарь, недавно раскопанный в Пергаме, – все эти шедевры говорят о возрождении скульптуры. Послушный и неоригинальный Павсаний становится поэтом, рассказывая об ужасах вторжения кельтов в Македонию и Грецию. Очевидно, он использовал некую поэму, описывающую эти волнующие события, в которой есть любопытное повторение деталей персидского вторжения в пересказе Геродота – сражения при Фермопилах и поражения варваров, предательства, отклонения от курса для овладения сокровищами Дельф, с помощью которых бог чудесным образом защитил свой храм и обрушил кару на захватчиков. Нельзя не упомянуть о пугающих повествованиях и дикой жестокости галатов, их пренебрежении ко всем законам цивилизованной войны – о том, как они оставляли своих убитых непогребенными, разоряли древние гробницы, убивали и грабили, пожирали детей греков. Даже Полифем и лестригоны у Гомера не были столь ужасающими. Была такая же попытка объединения греков и разрушившие союз эгоизм и сепаратизм. Но на этот раз важными факторами греческой армии являлись не Афины и Спарта, хотя Афины все еще обладали некоторым весом. Этолия, выделившая около 10 тысяч воинов, вынесла основное бремя военных действий и получила основную долю добычи. Галаты, как это было в Италии, могли победить в бою, но не знали другого использования победы, кроме бесцельного грабежа и насилия. Опустошив Македонию и Фракию, они направились в Малую Азию, где каждое государство стремилось избавиться от них, передав соседу. Однако кельты стремились служить наемниками, и со временем во всех армиях того времени появились контингенты кельтских войск, долго считавшиеся почти непобедимыми, но поскольку они были готовы сражаться на обеих сторонах, то сами же нейтрализовали свою силу.

Чтобы кратко обобщить влияние кельтского вторжения и их поселения в Галатии (в центре Малой Азии), можно сказать следующее. После задержки в Дельфах, где был уничтожен лишь один отряд, кельты сразились с Антигоном Гонатом при Лисимахии (277 до н. э.). В этом бою царь одержал уверенную победу и приобрел такую популярность, что открыл дорогу для своего возвращения в Македонию. Может показаться странным, но впоследствии он нанял контингент варваров, чтобы те помогли ему в этом предприятии. Затем Никомед, царь Вифинии и греческих городов Пропонта (Пропонтиды – Мраморного моря), нанял их для защиты от врагов, и постепенно кельты осели в Галатии, обещав не выходить

⁸ См. «Историю Рима», битву при Алии в 390 г. до н. э.

за пределы своей территории, но, как и другие варвары, совершая постоянные набеги на соседние поселения с целью грабежа. Они стали кошмаром Азии. Антиох I, сын Селевка, отличился и получил титул Сотер (спаситель), одержав большую победу над кельтами – дата и место сражения неизвестны, – после чего они были окружены множеством македонских укрепленных пунктов и были вынуждены оставаться в своей провинции. Эта победа была увековечена, как и победа при Ассайе (1803, в Индии) на флагах английских полков, в ней участвовавших, фигурой слона, которую мы видим на медалях Антиоха. Поколением позже (ок. 237 до н. э.) та же история повторилась в случае с Атталом из Пергама, который победил галатов и был вознагражден титулом царя. С этой победой напрямую связан всплеск художественного творчества в его столице. Каждое великое святилище Греции было украшено памятным изображением в честь победы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.